

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. Том 3. М.: Худ. литература, 1971. С. 425 - 437.

I

Доктору Чудинову надоела его городская квартира, с зеркалами и альбомами для развлечения посетителей, опротивели и сами пациенты: вновь заболевшие -- испуганные, бестолковые; старые, уже привыкшие -- уныло-покорные. И все они казались Чудинову ужасно невежественными, неразвитыми, с детской наивностью, которая так не шла к усатым взрослым лицам.

Когда-то эта беспомощность умиляла доктора, заставляла работать; теперь же он, встречая виновато-доверчивый, вопрошающий взгляд больного, делал гримасы и кричал:

-- Я не господь бог, поймите вы это раз навсегда. Я -- врач, у меня лечебница, а не силоамская купель. Каждому из вас я сто раз твержу: не пейте, даже не нюхайте вина!.. Нет, свое... ну, теперь радуйтесь!..

Случалось, что он бросал на пол инструменты, женщинам говорил дерзости. В больнице его раздражал острый запах йодоформа. А раньше он ему нравился, и жалующимся на него Чудинов говорил, крепко потирая руки:

-- Это потому, что вы не врач... А я нюхаю его и говорю -- это здоровье, здоровье... Слышишь этот запах, и работать хочется.

Порою на Чудинова нападала тяжелая тупая хандра, грудь давило тошнотное ноющее чувство, и он проклинал свою известность, которая сделала его одиноким.

-- Отчего это у меня? -- недоумевал Чудинов и, боясь дать себе давно назревший у него, определенный ответ, принимал бром, успокаивал себя, что он заработался и все это пройдет, как только он съездит за границу. Поделиться мыслями ему было не с кем, так как странным показалось бы и неподобающим, чтобы знаменитый Чудинов, "авторитет", вдруг начал жаловаться на скуку и неудовлетворенность в жизни.

Во вторник на страстной его позвали на консилиум к умирающему паралитику. Посещение богатого знатного дома доктором с такой известностью, которой пользовался Чудинов, могло быть шокирующим, и молодой домашний врач, приглашавший его, объяснил, что для семьи больного Чудинов будет в некотором роде инкогнито.

-- Допустим, что ваша фамилия Заславский, или нет, подумают -- еврей, лучше Павлов, доктор Павлов... хотя это, впрочем, и не понадобится, вероятно...-- говорил молодой доктор, входя с Чудиновым в бесшумно распахнувшуюся перед ними гигантскую стеклянную дверь подъезда на Сергиевской.

Чудинова охватила нравившаяся ему с детства прозрачная и пахучая атмосфера богатого барского жилища.

Лениво потягиваясь, от камина поднялся красавец пойнтер и доверчиво тыкался холодным носом в руки раздевавшихся докторов. На овальной вешалке, между ретондами, жакетами, висела шашка в металлических ножнах, несколько военных шинелей. Одна с красной подкладкой и кантами, другая -- с вензелями на погонах и орлами на пуговицах.

И это издававшее аромат, брошенное на вешалку платье, странным образом возбуждая мечтательность, говорило Чудинову о владельцах вещей -- беспечных, богатых, вероятно, веселых. Оттого, что он не видел их лиц, они представлялись ему интереснее, ярче, типичнее, и у Чудинова шевельнулось чувство, близкое к зависти: почему он сам не гусарский корнет, конфетно-красивый, имеющий успех у этих глупых, но интересных светских женщин?

Подымаясь за лакеем по ковровой дорожке, закрытой полотном и притянутой к отлогой лестнице бронзовыми прутьями, Чудинов думал: "А все же вы зовете меня..."

И то, что он являлся местью за эту праздную, дразнящую его по временам беспечную жизнь, служило ему злорадным удовлетворением.

Чудинов поймал себя на дурных мыслях и подумал то, что часто думал за последнее время: "Да, это старость подходит... преждевременная старость в сорок пять лет. Раньше все было впереди, теперь